

Знаки, символы, ритуалы, культы

УДК 902/904:393:39

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.53.63>**НЕКОТОРЫЕ ЗНАКОВЫЕ МАРКЕРЫ
ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹**

© 2022 г. В.И. Молодин

Статья посвящена одиновской культуре эпохи ранней-развитой бронзы, занимавшей обширные пространства Западносибирской лесостепи, и приурочена к 70-летию С.В. Кузьминых, ведущего научного сотрудника Института археологии РАН. Рассматривается проблема выделения маркеров одиновской культуры на примере памятников Обь-Иртышской и Барабинской лесостепи, таких как Сопка-2/4А, Старый Тартас-5, Тартас-1, Усть-Тартас-2, Преображенка-6. Помимо краткого представления об истории исследования памятников данной культуры, дается развернутое описание ряда диагностирующих признаков. Так, керамический комплекс характеризуется плоскодонными баночными сосудами с орнаментом в виде рядов насечек или гребенчатого штампа, чередующихся с рядами круглых ямочных наколов. Специфической чертой погребальной практики является неоднородность глубины дна погребальной камеры. Предметный комплекс одиновской культуры отличает наличие бронз сейминско-турбинского типа, оригинальных поясных пряжек со стилизованной головой медведя и предметов из рога, а также орнитоморфные навершия жезлов. Что касается духовных представлений, в материалах из погребений ярко прослеживается культ медведя, своего рода тотемный символ. Все эти специфические черты подчеркивали своеобразие одиновской культуры на фоне других культур периода ранней-развитой бронзы Западной Сибири.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, одиновская культура, ранне-развитой бронзовый век, погребения, поселения, маркеры.

**PARTICULAR SIGNIFICANT MARKERS
OF THE ODINOVO CULTURE²**

V.I. Molodin

The paper describes the OdinoVO culture of the early-developed Bronze Age, which occupied vast areas of the West Siberian forest-steppe. The paper is dedicated to the 70th Anniversary of S.V. Kuzminykh, a leading researcher of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. The problem of identifying markers of the OdinoVO culture is addressed at the example of the archaeological sites of the Ob-Irtysh Rivers and Baraba forest-steppe, such as Sopka-2/4A, Staryi Tartas-5, Tartas-1, Ust-Tartas-2 and Preobrazhenka-6. In addition to a brief review on the history of the studying the OdinoVO culture, a detailed description of a number of diagnostic attributes is provided. Thus, the ceramic complex is characterized by flat-bottomed jar vessels with an ornament in the form of rows of notches or a comb stamp alternating with rows of circular dimples. A specific feature of the burial practice is the heterogeneity of the depth of the burial chamber bottom. The object complex of the OdinoVO culture is distinguished by the bronzes of the Seima-Turbino type, original belt buckles with a stylized bear head, artifacts made of bone, and ornithomorphic tops of wands. As for spiritual concepts, the materials from the burials clearly trace the cult of the bear, a particular kind of totemic symbol. All these specific features emphasized the originality of the OdinoVO culture with respect to the other cultures of the early-developed Bronze Age in Western Siberia.

Keywords: archaeology, Western Siberia, OdinoVO culture, early developed Bronze Age, burials, settlements, markers.

К 70-летию Сергея Владимировича Кузьминых

Дорогие друзья, коллеги!

В 2021 году мы отмечали 70-летний юбилей
Сергея Владимировича Кузьминых, ведущегонаучного сотрудника Института археологии
РАН, кандидата исторических наук, члена-
корреспондента Германского археологическо-

¹ Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006)

² The research was carried out under the project "Comprehensive studies of ancient cultures of Siberia and adjacent territories: chronology, technologies, adaptation and cultural ties" (FWZG-2022-0006)

го института (DAI), замечательного ученого и прекрасного человека.

Мне очень приятно откликнуться на приглашение поучаствовать в юбилейном сборнике, организованном учениками и коллегами Сергея Владимировича, к тому же выпускаемом в его родном Казанского Института археологии.

Мы знакомы с Сергеем со студенческих лет и все эти годы нас всегда связывали и связывают теплые и дружеские отношения. Немало у нас точек пересечения и по научной проблематике, и пускай не всегда наши взгляды на ту или иную проблему совпадают – это не делает наши отношения хуже (а такое в научном мире бывает – и довольно часто).

Хочу несколько слов сказать о нашем юбиляре. Прежде всего, его отличают глубокие фундаментальные знания очень многих проблем археологической науки. Этот мощный фундамент во многом заложен его учителями – Альфредом Хасановичем Халиковым и Евгением Николаевичем Черных. Не случайно, совместные труды с последним вошли в золотой фонд не только отечественной, но и мировой археологии. Их совместная монография «Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен)» (1989) по-прежнему является настольной книгой для специалистов по эпохе бронзы Евразии. Все так же остается активно востребованной по существу первая монография Сергея Владимировича «Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза)» (1983).

Кроме многочисленных проблем, связанных с эпохой бронзы и раннего железа Евразии, С.В. Кузьминых активно работает в области изучения истории науки и историографии. Исследования нашего героя посвящены анализу научного творчества А.М. Тальгрена и Г. фон Мергарта, В.А. Городцова и О.Н. Бадера, а также десятков других ученых. Очень важно, что многие из этих работ, посвященных персоналиям, вошли в многочисленные энциклопедии и прежде всего в «Большую российскую энциклопедию», что делает эту информацию доступной не только для профессионалов, но и для самого широкого круга читателей!

Меня подкупает еще одно редкое качество Сергея Владимировича как историографа. Он умеет, что называется, погружаться в эпоху и в результате находить личности порой забытые или же мало известные, но, как оказывается, по-своему удивительно яркие и многогран-

ные. Немало таких ученых открыто Кузьминых-историографом.

Свой юбилей С.В. Кузьминых встречает автором и соавтором более 600 научных произведений! Отменный показатель научной продуктивности.

И еще одна черта, которую мне хочется особо подчеркнуть, присуща нашему юбиляру. Сергея Владимировича отличает редкая доброта и толерантность по отношению к коллегам по цеху. Он пытается видеть в человеке прежде всего позитивные качества, и с годами понимаешь по-настоящему христианскую суть такой жизненной позиции.

Я от всей души желаю Сергею Владимировичу здоровья и новых творческих успехов в столь любимой им науке – археологии!

Хорошо известно, что каждая археологическая культура обладает набором диагностирующих признаков, которые и явились основой для ее выделения. Этим признакам присуща повторяемость, которая проявляется с завидной периодичностью в различных комплексах культуры и на различных территориях распространения последней.

Кроме того, археологической культуре присущи еще и эпохальные черты, которые могут быть характерны для целой свиты культурных образований, существовавших в одном хронологическом диапазоне, но территориально же порой на достаточно удаленных пространствах. Выявление таких диагностических признаков является чрезвычайно важным событием для каждого исследователя, поскольку следующим шагом в изыскательской процедуре, как правило, и является выделение той или иной археологической культуры.

В данной статье речь пойдет об одиновской культуре эпохи ранней-развитой бронзы, занимавшей обширные пространства Западно-сибирской лесостепи.

В основу выделения одиновской культуры было положено прежде всего своеобразие керамического комплекса, отличающее поселенческие памятники Ишимо-Тоболья от окружающих и соседствующих культурных образований. Одиновская керамика отличалась спецификой формы и орнамента. Это плоскодонные баночные сосуды, украшенные простейшим орнаментом в виде рядов насечек или гребенчатого штампа, чередующихся с рядами круглых ямочных наколов. Впервые также своеобразие было выявлено Л.Я. Крижевской на ряде исследованных ею посе-

лений (прежде всего Одино), давшей затем наименование и всему образованию (Крижевская, 1970; 1977).

Впоследствии памятники одиновского типа были охарактеризованы в ряде обобщающих сочинений, прежде всего М.Ф. Косарева (1981; 1987), В.А. Заха (2009) и других исследователей.

В 70-е годы прошлого столетия одиновские памятники были открыты и исследованы в Обь-Иртышской лесостепи автором настоящей работы (Молодин, 1981), а затем охарактеризованы как памятники одиновского типа в этом регионе (Молодин, 1983; 1985).

Позднее здесь были исследованы новые, высокоинформативные поселенческие комплексы одиновского типа в этом регионе, такие, например, как поселение Старый Тартас-5 (Молодин, Нестерова, Мыльникова, 2014). Затем была открыта и изучена серия одиновских могильников, обладающих несомненной спецификой погребальной практики, таких как Сопка-2/4А (Молодин, 2012), затем одиновские некрополи на разновременных могильниках Тартас-1 и Преображенка-6 (Молодин, 2013), Усть-Тартас-2 (Молодин, Кобелева, Дураков и др., 2017), что позволило, в конечном итоге, ставить вопрос о выделении особой одиновской культуры (Молодин, 2008), чрезвычайно яркой и самобытной по своему колориту.

Надо сказать, что обилие могильников одиновской культуры особенно отличает именно территорию Барабинской лесостепи. Они пока не выявлены в западной зоне распространения культуры, что, возможно, связано с методикой полевых исследований, да и самого поиска таких объектов. Дело в том, что все одиновские некрополи – грунтовые. В настоящее время они не имеют рельефных признаков, и обнаружить их можно лишь вскрывая широкие площади объекта исследования. Так были открыты практически все исследуемые сегодня погребальные комплексы этой культуры.

Помимо несомненной особенности керамического комплекса культуры, о которой речь уже шла выше, была открыта и еще одна характерная черта культуры, связанная с погребальной практикой последней, разительно отличающая одиновские погребальные комплексы от захоронений культур эпохи ранней – развитой бронзы Западной Сибири. К таким специфическим чертам погребальной практики относится неоднородность глубины дна погребальной камеры, где изго-

ловье искусственно приподнято, иногда даже при помощи земляной подушки, при этом погребенный как бы полусидит в могиле. В таком случае, в результате разложения мягких тканей, голова умершего скатывается на грудь. Нередко встречаются ярусные захоронения.

Нельзя не отметить и такую яркую эпохальную черту, присущую носителям одиновской культуры, как наличие бронз сейминско-турбинского типа, в том числе в погребальных, что называется, «закрытых» комплексах (см.: Молодин, 2013).

Таким образом, на сегодняшний день одиновская культура представляется изученной достаточно основательно. Такое утверждение базируется на материалах нескольких обособленных и монографически изученных некрополей, насчитывающих в общей сложности около двухсот погребальных комплексов, среди которых особенно выделяется могильник Сопка-2/4А, включающий 164 захоронения одиновской культуры, полностью изученных раскопками (Молодин, 2012). К тому же имеет место весьма представительная серия радиоуглеродных дат одиновской культуры (см. напр.: Молодин, Марченко, Орлова и др., 2012; Молодин, 2012), позволившая наметить два этапа существования последней в пределах III тыс. до н. э. (Молодин, 2012, с. 194).

Изучение материалов могильников одиновской культуры позволило выявить дополнительные знаковые маркеры, которые характерны исключительно для памятников этой культуры. Этих материалов не так много, однако, с другой стороны, они столь выразительны, что существенно расширяют наши представления не только о материальном, но и о духовном мире ее носителей.

Прежде всего, речь пойдет об оригинальных поясных пряжках, выполненных из капа, демонстрирующих стилизованно переданные головы медведя с видом как бы сверху. При этом верхняя часть черепа и пасть зверя выполнены объемно, хотя и достаточно стилизовано, однако при этом изображаемый персонаж без труда узнаваем (рис. 1: 1) Пряжка имеет специальные отверстия для фиксации к поясу. На сегодняшний день найдены четыре таких изделия, что особенно важно в захоронениях одиновской культуры различных могильников. Мы уже неоднократно касались детального анализа данных предметов (см.: Молодин, 2012, с. 169–171). В кратком изложении уместно еще раз вернуться к данному сюжету.

Первая пряжка обнаружена *in situ* в погребении № 190 могильника Сопка-2/4А (см.: Моло-

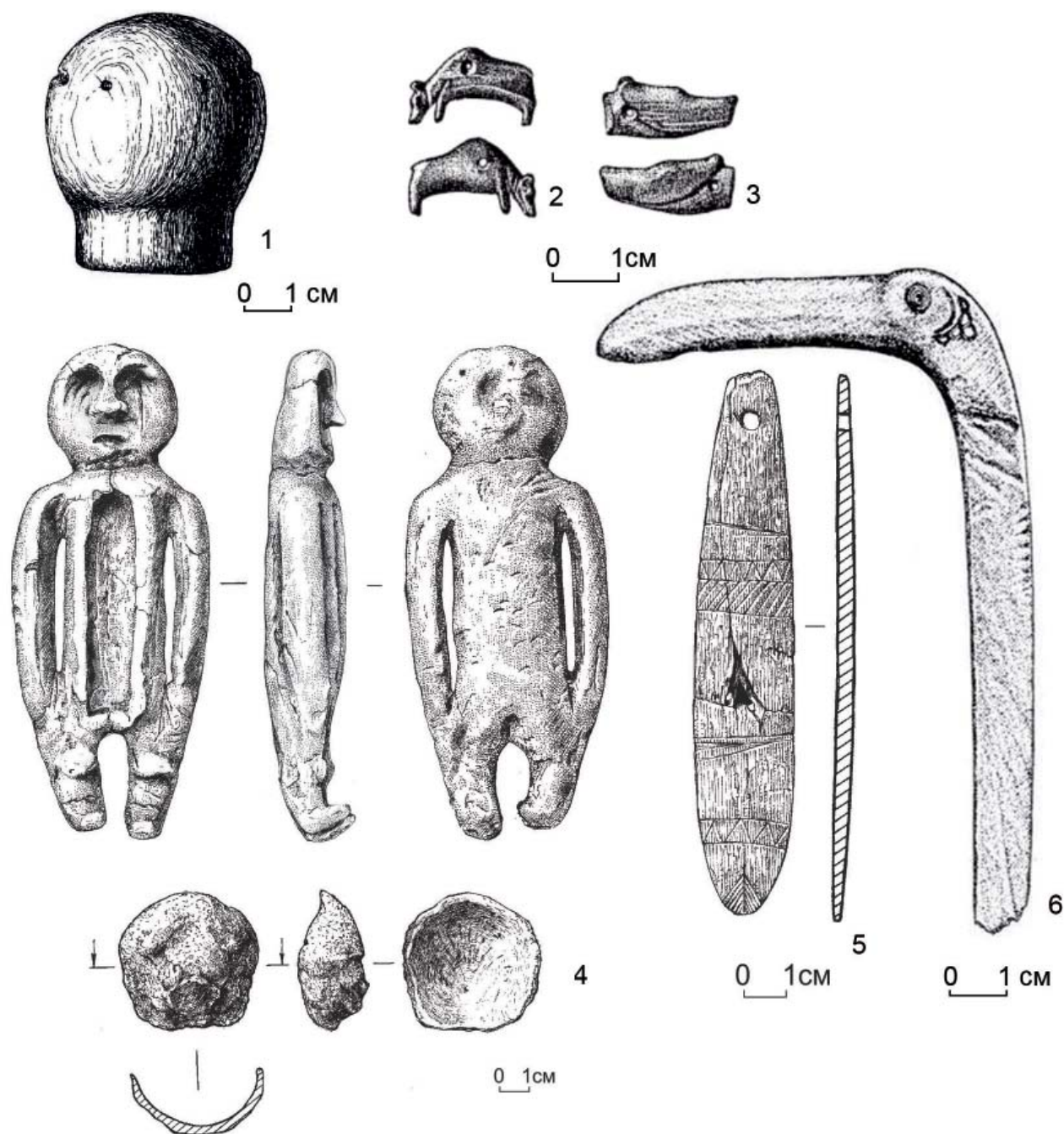

Рис. 1 Предметы иррациональной деятельности носителей одиновской культуры: 1–3 – могильник Сопка-2/4А; 4, 5 – могильник Усть-Тартас-2; 6 – могильник Преображенка-6.

Fig. 1 Items of irrational activity of the Odino people: 1–3 – Sopka-2/4A burial ground; 4, 5 – Ust-Tartas-2 burial ground; 6 – Preobrazhenka-6 burial ground.

дин, 1994), вторая, аналогичная, но меньших размеров, – в могильнике одиновской культуры Абрамово-11 (Соболев, Панфилов, Молодин, 1989). Еще две таких своеобразных пряжки обнаружены в захоронениях могильника Крохалева-5 в Приобье (Гришин, Марченко, Гаркуша и др., 2018). Судя по состоянию некоторых изделий (пряжка из могильника Сопка-2/4А имела излом в месте затягивания пояса, или положение в погребальной камере не на месте пояса (Абрамово-11)), пояса у умерших должны были быть распущены при захороне-

нии. Это важная семантическая деталь, которая характерна для погребальной практики одиновской культуры. Обращаясь к этнографическому материалу, можно найти параллели такому обычаю, когда пояс при отправлении в иной мир обязательно должен был распустаться. Надежно зафиксированная в литературе ситуация развязанных поясов говорит об устойчивости культурных стереотипов таежного мира (Молодин, Октябрьская, Чемякина, 2000, с. 26). У современных хантов пояс являлся знаком завершенности, обозначая одну из

пяти, собственно мужскую душу – «нижнюю голову». Женщины избегали его касаться, а если в общем доме случались роды, помимо священных предметов из дома выносили и мужские пояса (Головнев, 1995, с. 284). Положенный в погребение незастегнутый пояс мог символизировать разомкнутое кольцо жизни, которая переходила под знаком медведя.

Аналогия характеризуемым пряжкам пока известна лишь одна, однако она почти абсолютна. Речь идет о каменной поясной пряжке, найденной Е.М. Берс на территории Горного Алтая (Берс, 1974), относящейся к эпохально близкой одиновской каракольской культуре. Следует, впрочем, отметить, что пряжки одиновской культуры более стилизованы, чем каракольская, однако сакральная функция медведя очевидна для обеих культур.

О роли медведя в духовной жизни носителей одиновской культуры свидетельствуют находки двух изображений этого животного, выполненные мастерски и реалистично, обнаруженные на ожерелье одиновской женщины вместе с набором бусин-крестовиков и бусин из травленного сердолика в захоронении № 569 могильника Сопка-2/4А (Молодин, 2012, с. 171) (рис. 1: 2, 3). Эпохальное сходство таким проявлениям встречено, когда реалистически переданное изображение медведя в виде составной части шейного ожерелья мы находим в эпохально синхронной одиновской окуневской культуре (Комарова, 1981, с. 80, рис. 4, с. 82, рис. 6: 5), а также в качестве прикладов на святилищах, к примеру, в Айдашинской пещере (Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980)¹.

Говоря о медведе как о явно культовом персонаже у носителей одиновской культуры, следует коснуться еще одного чрезвычайно любопытного сюжета, который удалось реально зафиксировать на двух могильниках – Усть-Тартас-2 и Сопка-2/4А. Итак, остановимся более детально на его обсуждении.

В захоронении № 65 могильника Усть-Тартас-2 в верхнем ярусе четырехъярусного захоронения обнаружена глиняная антропоморфная фигурка (Молодин, Мыльникова, Кобелева и др., 2020). Скульптурка выполняла, несомненно, сакральные функции. Она лежала на плече у покоящейся вниз лицом женщины. Головка антропоморфа без выраженных признаков пола была отломана и при этом развернута в противоположную сторону. Любопытно, что на лицо скульптурки была надета схематично выполненная маска, изготовленная из позвонка лошади. Несмотря на

условность изображения, в маске угадывается образ медведя (Молодин, 2020) (рис. 1: 4).

О возможной дешифровке образа мне уже приходилось писать, хотя реконструкция его семантики, тем более не выраженной явно, – дело непростое и неоднозначное. Тем не менее сакральный смысл скульптурки в маске очевиден. Важно отметить и еще один зафиксированный в захоронении сюжет. Помимо самой скульптурки и маски, непосредственно на самой скульптурке лежала костяная лопаточка, слегка загнутая, вытянутой и несколько расширяющейся формы, с круглым отверстием в торце (рис. 1: 5). С обеих сторон лопатка была орнаментирована гравированной композицией.

Семантическая связь этого предмета с антропоморфом в маске несомненна.

Интересно, что трактовка принадлежности лопаточки неоднозначна. Подобные предметы разных размеров с разного рода отверстиями и без, орнаментированные и не покрытые орнаментом, часто встречаются в одиновских могильниках (Молодин, 2012, с. 136–138), а также на эпохально близких памятниках кротовской и окуневской культур (см.: Молодин, Гришин, 2016; Максименков, 1980, табл. XVIII, 18; Лазаретов, 1997, табл. 15–5). Однако во всем этом наборе предназначение данных предметов определяется по-разному. Они диагностируются как «спицы» или «челноки» для вязания сетей, накладки-усилители на тело лука либо просто как предметы неизвестного назначения. Вместе с тем очевидно, что пока любая из предлагаемых интерпретаций не может вполне удовлетворить нас. Кроме того, внутри этой группы также прослеживаются существенные отличия, что в свое время позволило даже предложить их типологию (Молодин, 2012). Последнее еще более осложняет решение проблемы. Особо выглядит и вопрос дешифровки орнаментов, которые достаточно вариабельны.

В контексте настоящей работы важно отметить, что в захоронении № 65 памятника Усть-Тартас-2 одиновской культуры была зафиксирована своеобразная триада предметов явно сакрального толка. Это антропоморфная скульптурка, маска медведя (?), плюс костяная орнаментированная лопатка (рис. 1: 4, 5). Такое сочетание можно, конечно, было расценивать как некую случайность, однако оказалось, что это не так.

При раскопках наиболее представительного и по сути базового памятника одиновской культуры, коим является погребальный

комплекс Сопка-2/4А, в захоронении № 192 были обнаружены изделия, по составу поразительно напоминающие охарактеризованный выше предметный комплекс из могильника Усть-Тартас-2 (Молодин, 2012, с. 51, 53). К ним относится костяная маска, выполненная так же, как и усть-тартасская, из позвонка лошади (первоначально интерпретированная как «костяная чашечка») (Молодин, 2012, с. 53, рис. 53: 3). Предмет также имеет легкую подработку с внешней стороны, благодаря которой в изделии угадывается образ медведя. Подчеркну, что она несколько меньше, чем в первом случае, однако абсолютно аналогична усть-тартасской.

В этой же могиле № 192 обнаружена и загадочная костяная лопаточка. Она отличается от усть-тартасской несколько большими размерами, орнаментацией и наличием еще одного овального отверстия на оконечности (Молодин, 2012, рис. 53: 1), однако в данном случае для нас важно само присутствие этого предмета в комплексе, а также его соседство с костяной маской (Молодин, 2012, рис. 52: 1).

Отсутствие антропоморфной скульптурки в сопкинском захоронении и при этом наличие маски, казалось бы, не подтверждает главную идею выявленной триады, однако, скорее всего, проблема объясняется просто – антропоморфная скульптурка в этом захоронении была изготовлена из органических материалов (дерево, ткань, войлок, мех?), которые далеко не всегда доживают до нашего времени. Многочисленные этнографические материалы прекрасно подтверждают это предположение. У тех же хантов или манси, сибирских татар, селькупов и ненцев мы находили множество примеров изготовления культовой ритуальной антропоморфной пластики, в том числе и миниатюрной, выполненной из тканей, меха или дерева (Гемуев, Сагалаев, 1986; Гемуев, 1985; 1990; Иванов, 1970). В характеризуемом в настоящей работе случае не сохранившаяся до нашего времени скульптурка была сопровождена костяной маской в виде морды медведя.

Если это так – а оснований для такого предположения достаточно, – перед нами яркое проявление знакового обряда помещения в определенное захоронение одиновской культуры антропоморфного изображения в медвежьей маске, сопровождаемого загадочной «лопаточкой», семантический смысл которой еще предстоит разгадать. Однако в данном случае для нас важно, что выявленное, по сути, знаковое сочетание предметов,

по-своему своеобразных, может являться своего рода маркером для одиновской культуры. Следует также отметить, что предметы эти встречены пока только в коллективных усыпальницах и находились как при женской, так и при мужской особях.

Наконец, несомненно знаковым маркером у носителей одиновской культуры были предметы из рога – навершия жезлов, демонстрирующие головы птиц (вероятно, фламинго) (рис. 1: 6). Такие предметы обнаружены в захоронениях памятника Сопка-2/4А и Преображенка-6 (Молодин, Чемякина, 2010). Перед нами, несомненно, символически знаковые предметы, имеющие глубокий сакральный смысл, а также принадлежащие к одиновской культуре.

Надо сказать, что вообще образ птицы и ее присутствие в мелкой пластике, а также в качестве прикладов, в виде, например, клювов серой цапли, нередко встречаются в погребальных памятниках одиновской культуры, в частности могильника Усть-Тартас-2 (Молодин, Кобелева, Райнхольд и др., 2018).

Таким образом, из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

Помимо яркой и самобытной погребальной практики, а также не менее своеобразной керамики, носителям одиновской культуры раннего бронзового века были присущи и другие специфические черты, которые подчеркивали ее своеобразие на фоне культур периода ранней – развитой бронзы Западной Сибири, не менее ярких и своеобразных (кротовской, самусьской, елунинской, крохалевской, окуневской, каракольской). Эти, как мы их называем, знаковые маркеры были связаны с наличием у носителей одиновской культуры эпохальных представлений, характерных для данного времени ранней – развитой бронзы, однако наиболее ярко проявившихся именно у носителей одиновской культуры. Особенно это относится к культу медведя, ярко проявляющемуся в таких показательных символах, как поясные пряжки или подвески в шейных украшениях. Эти предметы, по-видимому, можно интерпретировать как тотемные знаки, своего рода символы данного сообщества.

Неслучайно именно медведь занимает одно из ведущих мест в изобразительном искусстве сибирских народов. Следует понимать, что огромное количество изображений этого животного, представленного в разных ипостасях, не дошли до современного исследователя, поскольку были изготовлены из органиче-

ских материалов и могли сохраниться только в особых, исключительных условиях (мерзлота, сухой климат, торфяники), его фольклоре и ритуальной практике (Косарев, 2003, с. 40–56).

О сложности и многогранности проявления ритуалов, связанных с медведем (маска), антропоморфным существом и не вполне понятными предметами в виде костяной орнаментированной лопатки, можно говорить вполне определенно. Скорее всего, перед нами эпохальное проявление каких-то мистери, возможно, связанных с погребальным культом, наглядные проявления которых мы находим на стенках погребальных саркофагов каракольской культуры (Кубарев, 1988), где представлены антропоморфные персонажи в масках, а также изображения окуневской культуры, где образ медведя нередко использовался в сложных синкретичных изображениях чаще всего фантастического толка (Леонтьев, Капелько, Есин, 2006).

Примечание:

¹ В Айдашинской пещере, явно древнем святилище, мы находили значительное количество разновременных произведений пластического искусства, в которых образ медведя является доминирующим. В контексте настоящей работы речь идет о костяной подвеске, мастерски изображающей медведя, которая, несомненно, относится к эпохе неолита или, что более вероятно, периоду ранней поры бронзового века.

ЛИТЕРАТУРА

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куям // *Бронзовый и железный век Сибири / Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь.* Вып. 4 / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1974. С. 18–31.

Гемуев И.Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // *Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык* / Отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск: Наука, 1985. С. 137–143.

Гемуев И.Н. Мирозрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 210 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народов манси. Культурные места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 600 с.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Одино-крохалевские погребения эпохи ранней бронзы в Новосибирском Приобье: погребальная практика, инвентарь и хронология // *Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории* / Отв. ред. А.П. Деревянко, М.В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 131–149.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири. XIX – первая половина XX в. Л.: Наука, 1970. 269 с.

Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // *Проблемы Западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы* / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 76–90.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 277 с.

Косарев М.Ф. Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха) // *Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР* / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 268–275.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим данным. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.

Крижевская Л.Я. Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья // *Сибирь и ее соседи в древности* / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1970. С. 155–162.

Еще одним несомненно знаковым символом у носителей одиновской культуры были орнитоморфные навершия жезлов (в наиболее ярко выраженном виде). Подобные предметы мы не встречаем в эпохально близких культурах периода ранней – развитой бронзы Западной Сибири, хотя жезлы с разнообразными навершиями в этот период наиболее популярны (Molodin, 2015). В качестве аналогии одиновским навершиям можно назвать лишь каменный жезл, увенчанный головой птицы, с территории Минусинской котловины, известный как случайная находка (Ченченкова, 2004).

Эти и подобные им знаковые предметы могли существовать, по-видимому, как тотемные символы, хотя, как справедливо подчеркивал М.Ф. Косарев, «...культовое почитание тех или иных конкретных птиц могло иметь многозначный, полисемантический характер» (Косарев, 2003, с. 79).

- Крижевская Л.Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Лен. гос. ун-т, 1977. 128 с.
- Кубарев В.Д.* Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 172 с.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
- Лазаретов И.П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / сост. и ред. Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб: Эрмитаж, 1997. С. 19–64.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: ХакНИ-ИЯЛИ, 2006. 234 с.
- Максименков Г.А.* Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 3–26.
- Молодин В.И.* Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы Западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 63–75.
- Молодин В.И.* Бараба в древности. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Новосибирск, 1983. 36 с.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И.* Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и западносибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая / История и культура Востока Азии / Отв. ред. В.Е. Ларичев, Линь Юнь. Новосибирск: Наука, 1994. С. 82–86.
- Молодин В.И.* Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблемы выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2008. С. 9–13.
- Молодин В.И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.
- Молодин В.И.* Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии: к 70-летию акад. А.П. Деревянко. / отв. ред. В.И. Молодин, М.В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 309–324.
- Молодин В.И.* Глиняный «идол» урочища Таи // Наука из первых рук. 2020. № 5/6 (90). С. 92–109.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.* Айдашинская пещера. Новосибирск: Наука, 1980. 207 с.
- Молодин В.И., Гришин А.Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. 450 с.
- Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Борзых К.А., Швецова Е.С.* Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII / Ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 363–367.
- Молодин В.И., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мильникова Л.Н., Нестерова М.С.* Стратиграфия погребальных комплексов ранней-развитой бронзы на памятнике Усть-Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIV / Ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 293–298.
- Молодин В.И., Марченко Ж.В., Орлова Л.А., Гришин А.Е.* Хронология погребальных комплексов одиновской культуры памятника Сопка-2/4А (лесостепная полоса Обь-Иртышского междуречья) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Кн. 2 / Ред. В.А. Алекшин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 237–242.
- Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Хансен С., Селин Д.В., Кудинова М.А., Дураков И.А., Швецова Е.С., Ненахова Ю.Н., Райнхольд С., Бобин Д.Н.* Продолжение раскопок грунтовых могильников эпохи бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVI / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2020. С. 501–509.
- Молодин В.И., Нестерова М.С., Мильникова Л.Н.* Особенности поселения одиновской культуры Старый Тартас-5 в Барабинской лесостепи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 110–124.
- Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А.* Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири / Отв. ред. И.Н. Гемуев. Новосибирск: Наука, 2000. С. 23–36.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Орнитоморфные навершия одиновской культуры (Западносибирская лесостепь) // Уральский исторический вестник. 2010. № 1. С. 5–14.

Соболев В.И., Панфилов А.Н., Молодин В.И. Кротовский могильник Абрамово-11 в Центральной Барабе // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 37–51.

Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла. III–I тыс. до н.э. Екатеринбург: Тезис, 2004. 335 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Molodin V.I. Scepters of the Developed Early Bronze Age in the South of Western Siberia (Iconography and Semantics) // Искусство бронзового века. Материалы международного симпозиума. 15–19 апреля 2013 г. Штральзунд, Германия. Новосибирск, Берлин, 2015. С. 189–210.

Информация об авторе:

Молодин Вячеслав Иванович, академик РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии палеометалла, главный научный сотрудник, советник директора, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); molodin@archaeology.nsc.ru ORCID 0000-0002-3151-8457

REFERENCES

Bers, E. M. 1974. In Larichev, V. E. (ed.). *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri (The Bronze and Iron Ages in Siberia)* 4. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 18–31 (in Russian).

Gemuev, I. N. 1985. In Ubryatova, E. I. (ed.). *Uralo-altaistika. Arkheologiya. Etnografiya. Iazyk (Ural-Altaic studies. Archaeology. Ethnography. Language)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 137–143 (in Russian).

Gemuev, I. N. 1990. *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos (Mansi Worldview: Home and Space)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gemuev, I. N., Sagalaev, A. M. 1986. *Religiya narodov mansi. Kul'tovye mesta (XIX – nachalo XX v.) (Religion of the Mansi Peoples. Worship Places (19th – Early 20th Centuries))*. Novosibirsk: Nauka Publ. (in Russian).

Golovnev, A. V. 1995. *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov (Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians)*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Grishin, A. E., Marchenko, Zh. V., Garkusha, Yu. N., Galyamina, G. I., Nazarova, L. V. 2018. In Derevyanko, A. P., Shun'kov, M. V. (eds.). *Mul'tidistsiplinarnye aspekty izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii (Multidisciplinary Aspects of the Study of Ancient and Medieval History)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 131–149 (in Russian).

Zakh, V. A. 2009. *Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ia (Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal Period of the Tobol and Ishim Rivers Forest Area)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ivanov, S. V. 1970. *Skul'ptura narodov severa Sibiri. XIX – pervaya polovina XX v. (Sculpture of the Northern Siberia Peoples. 19th – First Half of the 20th Centuries)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Komarova, M. N. 1981. In Troitskaia, T. N. (ed.). *Problemy Zapadnosibirskoi arkheologii. Epokha kamnya i bronzy (Issues of West Siberian Archaeology. Stone and Bronze Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 76–90 (in Russian).

Kosarev, M. F. 1981. *Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri (Bronze Age of Western Siberia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kosarev, M. F. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 8. Moscow: "Nauka" Publ., 268–275 (in Russian).

Kosarev, M. F. 2003. *Osnovy iazycheskogo miroponimaniia: po sibirskim arkheologicheskim dannym (Foundations of the Pagan Worldview: Based on Siberian Archaeological and Ethnographic Data)*. Moscow: "Ladoga-100" Publ. (in Russian).

Krizhevskaya, L. Ya. 1970. In Larichev, V. E. (ed.). *Sibir' i ee sosedi v drevnosti (Siberia and its Neighbors in Antiquity)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 155–162 (in Russian).

Krizhevskaya, L. Ya. 1977. *Rannebronzovoe vremya v Yuzhnom Zaural'e (Early Bronze Age in the Southern Trans-Urals)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Kubarev, V. D. 1988. *Drevnie rospisi Karakola (Ancient Paintings of Karakol)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lazaretov, I. P. 1997. In Savinov, D. G., Podol'skii, M. L. (comp., eds.). *Okunevskii sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiiia (The Okunevo Collection. Culture. Art. Anthropology)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 19–64 (in Russian).

Leont'ev, N. V., Kapel'ko, V. F., Esin, Yu. N. 2006. *Izvyaniia i stely okunevskoi kul'tury (Statues and Stele of the Okunevo Culture)*. Abakan: KhakRILLH Publ. (in Russian).

Maksimov, G.A. 1980. In Vadetskaia, E.B., Leont'ev, N. V., Maksimenko, G. A. *Pamyatniki okunevskoi kul'tury (Sites of the Okunevo culture)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 3–26 (in Russian).

Molodin, V.I. 1981. In Troitskaia, T. N. (ed.). *Problemy Zapadnosibirskoi arkheologii. Epokha kamnya i bronzy (Issues of West Siberian Archaeology. Stone and Bronze Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 63–75 (in Russian).

Molodin, V. I. 1983. *Baraba v drevnosti (Baraba in Ancient Times)*. Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Molodin, V. I. 1985. *Baraba v epokhu bronzy (Baraba in the Bronze Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Molodin, V. I. 1994. In Larichev, V. E., Lin Yun (eds.). *Drevnie kul'tury Iuzhnoi Sibiri i Severo-Vostochnogo Kitaia (Ancient Cultures of Southern Siberia and Northeastern China)*. Series: Istoriiia i kul'tura Vostochnoi Azii (History and culture of East Asia). Novosibirsk: "Nauka" Publ., 82–86 (in Russian).

Molodin, V. I. 2008. In *Rossiia mezhdru proshlym i budushchim: istoricheskii opyt natsional'nogo razvitiya: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu Instituta istorii i arkheologii UrO RAN (Russia between the Past and the Future: the Historical Experience of National Development: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 20th Anniversary of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)*. Yekaterinburg: IHA UrB RAS Publ., 9–13 (in Russian).

Molodin, V.I. 2012. *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury (Sopka-2 Site on the Om River: Cultural and Chronological Analysis of the Burial Complexes of the Odino Culture)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Molodin, V. I. 2013. In Molodin, V. I., Shun'kov, M. V. (eds.). *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii: k 70-letiiu akad. A.P. Derevyanko (Basic Issues of Archaeology, Anthropology and Ethnography of Eurasia: the 70th Anniversary of Academician A.P. Derevianko)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 309–324 (in Russian).

Molodin, V. I. 2020. In *Nauka iz pervykh ruk (First Hand Science)* 90 (5/6), 92–109 (in Russian).

Molodin, V. I., Bobrov, V. V., Ravnushkin, V. N. 1980. *Aidashinskaia peshchera (Aydashinskaya Cave)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Molodin, V. I., Grishin, A. E. 2016. *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. T. 4. Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury (Sopka-2 Site on the Om River. Vol. 4. Cultural and Chronological Analysis of the Burial Complexes of the Krotovo Culture)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Molodin, V. I., Kobeleva, L. S., Durakov, I. A., Reinhold, S., Nenakhova, Yu. N., Borzykh, K. A., Shvetsova, E. S. 2017. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjoining Territories)*. Vol. 23. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 255–258 (in Russian).

Molodin, V. I., Kobeleva, L. S., Reinhold, S., Nenakhova, Yu.N., Efremova, N.S., Durakov, I. A., Myl'nikova, L. N., Nesterova, M. S. 2018. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)*. Vol. 24. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 293–298 (in Russian).

Molodin, V. I., Marchenko, Zh. V., Orlova, L. A., Grishin, A. E. 2012. In Alekshin, V. A. et. al. (ed.). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of Steppe Eurasia and Their Interactions with Ancient Civilizations)* 2. Saint Peterburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 237–242 (in Russian).

Molodin, V. I., Myl'nikova, L. N., Kobeleva, L. S., Nesterova, M. S., Hansen, S., Selin, D. V., Kudinova, M. A., Durakov, I. A., Shvetsova, E. S., Nenakhova, Yu. N., Reinhold, S., Bobin, D. N. 2020. In Derevianko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 26. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 501–509 (in Russian).

Molodin, V.I., Nesterova, M.S., Myl'nikova, L.N. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 13(3), 110–124 (in Russian).

Molodin, V. I., Oktyabrskaya, I. V., Chemyakina, M. A. 2000. In Gemuev, I. N. (ed.). *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri (Peoples of Siberia: History and Culture. Bear in Ancient and Modern Cultures of Siberia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 23–36 (in Russian).

Molodin, V.I., Chemyakina, M.A. 2010. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* (1), 5–14. (in Russian).

Sobolev, V. I., Panfilov, A. N., Molodin, V. I. 1989. In Molodin, V. I. (ed.). *Kul'turnye i khozyaistvennye traditsii narodov Zapadnoi Sibiri (Cultural and Economic Traditions of the Peoples of Western Siberia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute, 37–51. (in Russian).

Chenchenkova, O. P. 2004. *Kamennaia skul'ptura lesostepnoi Azii epokhi paleometalla III–I tys. do n.e. (Stone Sculpture of Forest-Steppe Asia in the Paleometal Period in the 3rd–1st centuries B.C.)*. Ekaterinburg: “Tezis” Publ. (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma–Turbino Phenomenon))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Molodin, V. I. 2015. In *Iskusstvo bronzovogo veka. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. 15–19 aprelya 2013 g. Shtral'zund, Germaniia (The Bronze age art. Proceedings of the International Symposium. April 15–19, 2013, Stralsund, Germany)*. Novosibirsk, Berlin, 189–210 (in English).

About the Author:

Molodin Vyacheslav I. Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Acad. Lavrentiev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; molodin@archaeology.nsc.ru ORCID 0000-0002-3151-8457

Статья поступила в журнал 19.10.2021 г.
Статья принята к публикации 19.12.2021 г.